

*преодоление
времени*

важные
мысли
и письма

Дмитрий
Лихачев

Дмитрий Сергеевич Лихачев
Преодоление времени. Важные
мысли и письма (сборник)
Серия «Письма и дневники»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614569

Дмитрий Лихачев. Преодоление времени : важные мысли и письма:

АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097261-6

Аннотация

Имя Д.С. Лихачева, филолога, культуролога, искусствоведа, академика, исследователя древнерусской литературы, садово-парковой и храмовой архитектуры, иконописных произведений сегодня известно всем. Читая его книги, беседуешь с мудрым человеком, чьи мысли и наблюдения заставляют о многом задуматься и многое пересмотреть в своей жизни. Этот сборник составили его письма-эссе и разнообразные заметки из записных книжек. В них – размышления о России, ее культурном богатстве, письменности, языке, замечательных традициях, о смысле всего сущего на земле... И, конечно, о самом человеке, которому любовь к родине, дому, семье открывает дорогу в мир добра и гармонии, а умение понимать искусство дает глубину взгляда и счастье общения.

Содержание

Письма о добром и прекрасном	6
Письма к молодым читателям	6
Письмо первое. Большое в малом	7
Письмо второе. Молодость – вся жизнь	9
Письмо третье. Самое большое	11
Письмо четвертое. Самая большая ценность – жизнь	14
Письмо пятое. В чем смысл жизни	16
Письмо шестое. Цель и самооценка	19
Письмо седьмое. Что объединяет людей	22
Письмо восьмое. Быть веселым, но не быть смешным	25
Письмо девятое. Когда следует обижаться?	29
Письмо десятое. Честь истинная и ложная	31
Письмо одиннадцатое. Про карьеризм	33
Письмо двенадцатое. Человек должен быть интеллигентен	34
Письмо тринадцатое. О воспитанности	38
Письмо четырнадцатое. О дурных и хороших влияниях	43
Письмо пятнадцатое. Про зависть	45
Письмо шестнадцатое. О жадности	47
Письмо семнадцатое. Уметь спорить с	48

ДОСТОИНСТВОМ	
Письмо восемнадцатое. Искусство ошибаться	51
Письмо девятнадцатое. Как говорить?	53
Письмо двадцатое. Как выступать?	57
Письмо двадцать первое. Как писать?	59
Письмо двадцать второе. Любите читать!	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Дмитрий Лихачев

Преодоление времени: важные мысли и письма

В оформлении переплета использован иллюстративный материал из архивов РИА Новости и В.С. Зилитинкевич-Тольц

В книге размещены фотоработы С.Е. Овчинникова, Н.Н. Селиверстовой, В.Е. Угрюмова, Н.Б. Михаловского, а также фотографии из фондов Shutterstock, которые сделали Valeriya Popova, Julia Kuznetsova, Anatoly Vartanov

© Д.С. Лихачев (наследники), 2016

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Письма о добром и прекрасном

Письма к молодым читателям

Каждая беседа пожилого человека с молодым оборачивается поучением. Положение всегда было таким и, вероятно, всегда таким и останется. Постараюсь быть кратким и сказать лишь о самом для себя главном – как оно мне представляется, поделиться опытом прожитой жизни.

Для своих бесед с читателем я избрал форму писем. Это, конечно, условная форма. В читателях моих писем я представляю себе друзей. Письма к друзьям позволяют мне писать просто.

Почему я расположил свои письма именно так? Сперва я пишу в своих письмах о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства. Я делаю это потому, что для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках – ничего не увидите.

Письмо первое. Большое в малом

В материальном мире большое не уместится в малом. В сфере же духовных ценностей не так: в малом может уместиться гораздо большее, а если в большом попытаться уместить малое, то большое просто перестанет существовать.

Если есть у человека великая цель, то она должна проявляться во всем – в самом, казалось бы, незначительном. Надо быть честным в незаметном и случайном: тогда только будешь честным и в выполнении своего большого долга. Большая цель охватывает всего человека, сказывается в каждом его поступке, и нельзя думать, что дурными средствами можно достигнуть доброй цели.

Поговорка «цель оправдывает средства» губительна и безнравственна. Это хорошо показал Достоевский в «Преступлении и наказании». Главное действующее лицо этого произведения – Родион Раскольников – думал, что, убив отвратительную старушонку-ростовщицу, он добудет деньги, на которые сможет затем достигнуть великих целей и облагодетельствовать человечество, но терпит внутреннее крушение. Цель далека и несбыточна, а преступление реально; оно ужасно и ничем не может быть оправдано. Стремиться к высокой цели низкими средствами нельзя. Надо быть одинаково честным как в большом, так и в малом.

Общее правило – блюсти большое в малом – нужно, в

частности, и в науке. Научная истина дороже всего, и ей надо следовать во всех деталях научного исследования и в жизни ученого. Если же стремиться в науке к «мелким» целям – к доказательству «силой», вопреки фактам, к «интересности» выводов, к их эффективности или к любым формам самопродвижения, то ученый неизбежно терпит крах. Может быть, не сразу, но в конечном счете! Когда начинаются преувеличения полученных результатов исследования или даже мелкие подтасовки фактов и научная истина оттесняется на второй план, наука перестает существовать и сам ученый рано или поздно перестает быть ученым.

Соблюдать большое надо во всем решительно. Тогда все легко и просто.

Письмо второе.

Молодость – вся жизнь

Когда я учился в школе, а потом в университете, мне казалось, что моя «взрослая жизнь» будет в какой-то совершенно иной обстановке, как бы в ином мире, и меня будут окружать совсем другие люди. От настоящего не останется ничего... А на самом деле оказалось все иначе. Мои сверстники остались со мной. Не все, конечно: многих унесла смерть. И все же друзья молодости оказались самыми верными, всегдашними. Круг знакомых возрос необычайно, но настоящие друзья – старые. Подлинные друзья приобретаются в молодости. Я помню, что и у моей матери настоящими друзьями остались только ее подружки по гимназии. У отца друзья были его сокурсники по институту. И сколько я ни наблюдал, открытость к дружбе постепенно снижается с возрастом. Молодость – это время сближения. И об этом следует помнить и друзей беречь, ибо настоящая дружба очень помогает и в горе, и в радости. В радости ведь тоже нужна помощь: помощь, чтобы ощутить счастье до глубины души, ощутить и поделиться им. Неразделенная радость – не радость. Человек портит счастье, если он переживает его один. Когда же наступит пора несчастий, пора утрат – опять-таки нельзя быть одному. Горе человеку, если он один.

Поэтому берегите молодость до глубокой старости. Цени-

те все хорошее, что приобрели в молодые годы, не растратайте богатств молодости. Ничто из приобретенного в молодости не проходит бесследно. Привычки, воспитанные в молодости, сохраняются на всю жизнь. Навыки в труде – тоже. Привык к работе – и работа вечно будет доставлять радость. А как это важно для человеческого счастья! Нет несчастнее человека ленивого, вечно избегающего труда, усилий...

Как в молодости, так и в старости. Хорошие навыки молодости облегчат жизнь, дурные – усложнят ее и затруднят.

И еще. Есть русская пословица: «Береги честь смолоду». В памяти остаются все поступки, совершенные в молодости. Хорошие будут радовать, дурные – не давать спать!

Письмо третье. Самое большое

А в чем самая большая цель жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас. А добро – это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном думать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое, как я уже говорил, начинается с мелочей, зарождается в детстве и в близком.

Ребенок любит свою мать и своего отца, братьев и сестер, свою семью, свой дом. Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, село, город, всю свою страну. А это уже совсем большое и глубокое чувство, хотя и на этом нельзя останавливаться и надо любить в человеке человека.

Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот.

Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим.

Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все

более широкий круг вопросов.

Это как круги на воде. Но круги на воде, расширяясь, становятся все слабее. Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, – мудрее.

Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной. Это значит, что она должна быть соединена с умением замечать недостатки, бороться с недостатками – как в любимом человеке, так и в окружающих людях. Она должна быть соединена с мудростью, с умением отделять необходимое от пустого и ложного. Она не должна быть слепой. Слепой восторг (его даже не назовешь любовью) может привести к ужасным последствиям. Мать, всем восторгающаяся и поощряющая во всем своего ребенка, может воспитать нравственного уродца. Слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего» – слова шовинистической немецкой песни) привел к нацизму, слепой восторг перед Италией – к фашизму.

Мудрость – это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты – хитрость. Хитрость же постепенно чахнет и непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца. Поэтому хитрость вынуждена скрываться. Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долговечное и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости.

Как выразить то общее, что есть между моими тремя положениями: «Большое в малом», «Молодость – вся жизнь» и «Самое большое»? Его можно выразить одним словом, которое может стать девизом: «Верность». Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране народу. В конечном счете верность есть верность правде – правде-истине и правде-справедливости.

Письмо четвертое. Самая большая ценность – жизнь

«Вдох – выдох, выдох!» Я слышу голос инструктора гимнастики: «Чтобы вдохнуть полной грудью, надо хорошенько выдохнуть». Учитесь выдыхать, избавляясь от «отработанного воздуха».

Жизнь – это прежде всего дыхание. «Душа», «дух»! А умер – «перестал дышать». Так думали исстари. «Дух вон!» – это значит «умер».

«Душно» бывает в доме, «душно» и в нравственной жизни. Хорошенько выдохнуть все мелочные заботы, всю суету будничной жизни, избавиться, стряхнуть все, что стесняет движение мысли, что давит душу, не позволяет человеку принимать жизнь, ее ценности, ее красоту.

Человек всегда должен думать о самом важном для себя и для других, сбрасывая с себя все пустые заботы.

Надо быть открытым к людям, терпимым к людям, искать в них прежде всего лучшее. Умение искать и находить лучшее, просто «хорошее», «заслоненную красоту» обогащает человека духовно.

Заметить красоту в природе, в поселке, городе, улице, не говоря уже – в человеке, сквозь все заслоны мелочей – это значит расширить сферу жизни, сферу того жизненного пространства, в котором живет человек.

Я долго искал это слово – сфера. Сперва я сказал себе: «Надо расширять границы жизни», – но жизнь не имеет границ! Это не земельный участок, огороженный забором – границами. Расширять пределы жизни – не годится для выражения моей мысли по той же причине. Расширять горизонты жизни – это уже лучше, но все же что-то не то. У Максимилиана Волошина есть хорошо придуманное им слово – «окоём». Это все, что вмещает глаз, что может он охватить. Но и тут мешает ограниченность нашего бытового сознания. Жизнь не может быть сведена к бытовым впечатлениям. Надо уметь чувствовать и даже замечать то, что за пределами нашего восприятия, иметь как бы «предчувствие» открывающегося или могущего нам открыться нового. Самая большая ценность в мире – жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем... А жизнь бесконечно глубока. Мы всегда встречаемся с чем-то, чего не замечали раньше, что поражает нас своей красотой, неожиданной мудростью, неповторимостью.

Письмо пятое. В чем смысл жизни

Можно по-разному определять цель своего существования, но цель должна быть одна – иначе будет не жизнь, а прозябание.

Надо иметь и принципы в жизни. Хорошо их даже изложить в дневнике, но чтобы дневник был «настоящим», его никому нельзя показывать – писать для себя только.

Одно правило жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить.

Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом; быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим.

Ради достоинства жизни надо уметь отказываться от мелких удовольствий и немалых тоже... Уметь извиняться, признавать перед другими ошибку – лучше, чем юлить и врать.

Обманывая, человек прежде всего обманывает самого себя, ибо он думает, что успешно соврал, а люди поняли и из деликатности промолчали. Вранье всегда видно. У людей особое чувство подсказывает – врут им или говорят правду. Но нет доказательств, а чаще – не хочется связываться...

Природа создавала человека много миллионов лет, пока не создала, и вот эту творческую, созидательную деятель-

ность природы нужно, я думаю, уважать, нужно прожить жизнь с достоинством и прожить так, чтобы природа, работавшая над нашим сознанием, не была обижена. Природа созидательна, она создала нас, поэтому мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию, творчество, и ни в коем случае не поддерживать всего разрушительного, что есть в жизни. Как это понимать, как прилагать к своей жизни, на это должен отвечать каждый человек индивидуально, применительно к своим способностям, своим интересам и т. д. Но жить нужно созидая, поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразны по мере наших способностей и склонностей. Как вы считаете?

В жизни есть какой-то уровень счастья, от которого мы ведем отсчет, как ведем отсчет высоты от уровня моря.

Точка отсчета. Так вот, задача каждого человека и в крупном, и в малом повышать этот уровень счастья, повышать в жизни. И свое личное счастье тоже не останется вне этих забот. Но главным образом – окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это значит повышать уровень счастья своей страны и всего человечества в конце концов.

Способы различные, но для каждого что-то доступно. Если не доступно решением государственных вопросов, что повышает всегда уровень счастья, если они мудро решаются,

то повысить этот уровень счастья можно и в пределах своего рабочего окружения, в пределах своей школы, в кругу своих друзей и товарищей. У каждого есть такая возможность.

Жизнь – прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной или ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются – ауру добра вокруг себя. Вот, например, в общество человек может принести с собой атмосферу подозрительности, какого-то тягостного молчания, а может внести сразу радость, свет. Вот это и есть творчество. Творчество – оно непрерывно. Так что жизнь – это и есть вечное созидание. Человек рождается и оставляет по себе память. Какую он оставит по себе память? Об этом нужно заботиться уже не только с определенного возраста, но, я думаю, с самого начала, так как человек может уйти в любой момент и в любой миг. И вот очень важно, какую память он о себе оставляет.

Письмо шестое. Цель и самооценка

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке – низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть? Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждается в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка ро-

ковая – неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина – опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает в сумме гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута на собственных удачах или неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей Вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, – явление ненормальное и мне лично неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А

эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно «лучше других». И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и для своей семьи – это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где это не нужно. Когда это понадобится – другое дело. Там посмотрим, кто и к чему способен.

Письмо седьмое. Что объединяет людей

Этажи заботы. Забота скрепляет отношения между людьми. Скрепляет семью, скрепляет дружбу, скрепляет односельчан, жителей одного города, одной страны.

Проследите жизнь человека.

Человек рождается, и первая забота о нем – матери; постепенно (уже через несколько дней) вступает в непосредственную связь с ребенком забота о нем отца (до рождения ребенка забота о нем уже была, но была до известной степени «абстрактной» – к появлению ребенка родители готовились, мечтали о нем).

Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка еще не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит ее. Мальчики, совсем маленькие, любят собирать грибы, ловить рыбу. Ягоды, грибы любят собирать и девочки. И ведь собирают они не только для себя, а на всю семью. Несут домой, заготовливают на зиму.

Постепенно дети становятся объектами все более высокой заботы и сами начинают проявлять заботу настоящую и широкую – не только о семье, но и о школе, куда поместила их забота родительская, о своем селе, городе и стране...

Забота ширится и становится все более альтруистичной. За заботу о себе дети платят заботой о стариках-родителях,

когда они уже ничем не могут отплатить за заботу детей. И эта забота о стариках, а потом уже и о памяти скончавшихся родителей, как бы сливается с заботой об исторической памяти семьи и родины в целом.

Если забота направлена только на себя, то вырастает эгоист.

Забота – объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее. Это не само чувство – это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек – скорее всего человек недобрый и не любящий никого.

Е[равственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т. д.). Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной. Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития.

Удивительно правильная мысль: «Небольшой шаг для человека – большой шаг для человечества». Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ниче-

го не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя – просто. Накормить ребенка, провести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... и т. д. и т. п. – все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», ошибочно добрым, то есть недобрым. Повторяю, истинно добрый поступок не может быть глуп, он вне оценок с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

Письмо восьмое. Быть веселым, но не быть смешным

Говорят, что содержание определяет форму. Это верно, но верно и противоположное, что от формы зависит содержание. Известный американский психолог начала этого века¹ Д. Джеймс писал: «Мы плачем оттого, что нам грустно, но и грустно нам оттого, что мы плачем». Поэтому поговорим о форме нашего поведения, о том, что должно войти в нашу привычку и что тоже должно стать нашим внутренним содержанием.

Когда-то считалось неприличным показывать всем своим видом, что с вами произошло несчастье, что у вас горе. Человек не должен был навязывать свое подавленное состояние другим. Надо было и в горе сохранять достоинство, быть ровным со всеми, не погружаться в себя и оставаться по возможности приветливым и даже веселым. Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда приветливым и веселым – это большое и настоящее искусство, которое помогает жить в обществе и самому обществу.

Но каким веселым надо быть? Шумное и навязчивое веселье утомительно окружающим. Вечно «сыплющий» остроота-

¹ Речь идет о XX в. – *Примеч. ред.*

ми молодой человек перестает восприниматься как достойно ведущий себя. Он становится шутком. А это худшее, что может случиться с человеком в обществе, и это означает, в конечном счете, потерю юмора.

Не будьте смешными.

Не быть смешным – это не только умение себя вести, но и признак ума.

Смешным можно быть во всем, даже в манере одеваться. Если мужчина тщательно подбирает галстук к рубашке, рубашку к костюму – он смешон. Излишняя забота о своей наружности сразу видна. Надо заботиться о том, чтобы одеваться прилично, но эта забота у мужчин не должна переходить известных границ. Чрезмерно заботящийся о своей наружности мужчина неприятен. Женщина – это другое дело. У мужчин же в одежде должен быть только намек на моду. Идеально чистая рубашка, чистая обувь и свежий, но не очень яркий галстук – этого достаточно. Костюм может быть старый, он не должен быть только неопрятен.

В разговоре с другими умеете слушать, умеете помолчать, умеете пошутить, но редко и вовремя. Занимайте собой как можно меньше места. Поэтому за обедом не кладите руки на стол, стесняя соседа, но также не старайтесь чрезмерно быть «душою общества». Во всем соблюдайте меру, не будьте навязчивыми даже со своими дружескими чувствами.

Не мучайтесь своими недостатками, если они у вас есть. Если вы заикаетесь, не думайте, что это уж очень плохо.

Заики бывают превосходными ораторами, обдумывая каждое свое слово. Лучший лектор славящегося своими красноречивыми профессорами Московского университета историк В.О. Ключевский заикался. Небольшое косоглазие может придавать значительность лицу, хромота – движениям. Но если вы застенчивы, то не бойтесь этого. Не стесняйтесь своей застенчивости: застенчивость очень мила и совсем не смешна. Она становится смешной, только если вы слишком стараетесь ее преодолеть и стесняетесь ее.

Будьте просты и снисходительны к своим недостаткам. Не страдайте от них. Хуже нет, когда в человеке развивается «комплекс неполноценности», а вместе с ним – озлобленность, недоброжелательность к другим людям, зависть. Человек теряет то, что в нем самое хорошее, – доброту.

Нет лучшей музыки, чем тишина, тишина в горах, тишина в лесу. Нет «лучшей музыки» в человеке, чем скромность и умение помолчать, не выдвигаться на первое место. Нет ничего более неприятного и глупого в поведении человека, чем важность или шумливость; нет ничего более смешного в мужчине, чем чрезмерная забота о своем костюме и прическе, рассчитанность движений и «фонтан» острот и анекдотов, особенно если они повторяются.

В поведении бойтесь быть смешным и старайтесь быть скромным, тихим.

Никогда не распускайтесь, будьте всегда ровными с людьми, уважайте людей, которые вас окружают.

Вот несколько советов, казалось бы, о второстепенном – о вашем поведении, о вашей внешности, но и о вашем внутреннем мире: не бойтесь своих физических недостатков. Относитесь к ним с достоинством, и вы будете элегантно.

У меня есть знакомая девушка, чуть горбатая. Честное слово, я не устаю восхищаться ее изяществом в тех редких случаях, когда встречаю ее в музеях на вернисажах (там все встречаются – потому-то они и праздники культуры).

И еще одно, и самое, может быть, важное: будьте правдивы. Стремящийся обмануть других прежде всего обманывается сам. Он наивно думает, что ему поверили, а окружающие на самом деле были просто вежливы. Но ложь всегда выдает себя, ложь всегда «чувствуется», и вы не только становитесь противны, хуже – вы смешны.

Не будьте смешны! Правдивость же красива, даже если вы признаетесь, что обманули перед тем по какому-либо случаю, и объясните, почему это сделали. Этим вы исправите положение. Вас будут уважать, и вы покажете свой ум.

Простота и «тишина» в человеке, правдивость, отсутствие претензий в одежде и в поведении – вот самая привлекательная «форма» в человеке, которая становится и его самым элегантно «содержанием».

Письмо девятое. Когда следует обижаться?

Обижаться следует только тогда, когда хотят вас обидеть. Если не хотят, а повод для обиды – случайность, то зачем же обижаться?

Не сердясь, выяснить недоразумение – и все.

Ну а если хотят обидеть? Прежде чем отвечать на обиду обидой, стоит подумать: следует ли опускаться до обиды? Ведь обида обычно лежит где-то низко и до нее следует наклониться, чтобы ее поднять.

Если решили все же обидеться, то прежде произведите некое математическое действие – вычитание, деление и проч. Допустим, вас оскорбили за то, в чем вы только отчасти виноваты. Вычитайте из вашего чувства обиды то, что к вам не относится. Допустим, что вас обидели из побуждений благородных, – произведите деление вашего чувства на побуждения благородные, вызвавшие оскорбительное замечание, и т. д. Произведя в уме некую нужную математическую операцию, вы сможете ответить на обиду с большим достоинством, которое будет тем благороднее, чем меньшее значение вы придаете обиде. До известных пределов, конечно.

В общем-то, излишняя обидчивость – признак недостатка ума или какой-то закомплексованности. Будьте умны.

Есть хорошее английское правило: обижаться только то-

гда, когда вас *хотят* обидеть, *намеренно* обижают. На простую невнимательность, забывчивость (иногда свойственную данному человеку по возрасту, по каким-либо психологическим недостаткам) обижаться не надо. Напротив, проявите к такому «забывчивому» человеку особую внимательность – это будет красиво и благородно.

Это если «обижают» вас, а как быть, когда вы сами можете обидеть другого? В отношении обидчивых людей надо быть особенно внимательными. Обидчивость ведь очень мучительная черта характера.

Письмо десятое. Честь истинная и ложная

Я не люблю определений и часто не готов к ним. Но я могу указать на некоторые различия между совестью и честью.

Между совестью и честью есть одно существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души, и совестью в той или иной мере очищаются. Совесть «грызет». Совесть не бывает ложной. Она бывает приглушенной или слишком преувеличенной (крайне редко). Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется «честью мундира». У нас исчезло такое не свойственное нашему обществу явление как понятие дворянской чести, но «честь мундира» остается тяжелым грузом. Точно человек умер, а остался только мундир, с которого сняты ордена. И внутри которого уже не бьется совесть-сердце.

«Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники обществами («наша стройка важнее») и т. д. Примеров подобного отстаивания «чести мундира» можно привести много.

Честь истинная – всегда в соответствии с совестью. Честь

ложная – мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, «чиновничьей») души.

Письмо одиннадцатое.

Про карьеризм

Человек с первого дня своего рождения развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни. Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом отроком и юношей он тоже учится.

И уже приходит время применять свои знания, достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

Письмо двенадцатое. Человек должен быть интеллигентен

Человек должен быть интеллигентен! А если у него профессия не требует интеллигентности? А если он не смог получить образования: так сложились обстоятельства? А если окружающая среда не позволяет? А если интеллигентность сделает его «белой вороной» среди его сослуживцев, друзей, родных, будет просто мешать его сближению с другими людьми?

Нет, нет и нет! Интеллигентность нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека.

Это очень, очень важно, и прежде всего для того, чтобы жить счастливо и долго – да, долго! Ибо интеллигентность равна нравственному здоровью, а здоровье нужно, чтобы жить долго – не только физически, но и умственно. В Библии сказано: «Чти отца своего и мать свою, и долголетен будешь на земле». Это относится и к целому народу, и к отдельному человеку. Это мудро.

Но прежде всего определим, что такое интеллигентность, а потом – почему она связана с заповедью долголетия.

Многие думают: интеллигентный человек – это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, зна-

ет несколько языков.

А между тем можно иметь все это и быть неинтеллигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком.

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием старого как нового.

Больше того... Лишите подлинно интеллигентного человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти. Пусть он забыл все на свете, не будет знать классиков литературы, не будет помнить величайшие произведения искусства, забудет важнейшие исторические события, но если при всем этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, эстетическое чутье, сможет отличить настоящее произведение искусства от «штуковины», сделанной, только чтобы удивить, если он сможет восхититься красотой природы, понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти, а оценит другого по достоинству, если он проявит уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов, богатство и точность своего языка – разговорного и письменного, – вот это и будет интеллигентный человек.

Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях

к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить вокруг себя – не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и еще какой!).

Я знал на Русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни, умели рассказывать «бывальщину» (то есть то, что произошло с ними или другими), жили упорядоченным бытом, были гостеприимны и приветливы, с пониманием относились и к чужому горю, и к чужой радости.

Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям.

Интеллигентность надо в себе развивать, тренировать – тренировать душевные силы, как тренируют и физические. А тренировка возможна и необходима в любых условиях.

Что тренировка физических сил способствует долголетию – это понятно. Гораздо меньше понимают, что для долголетия необходима тренировка духовных и душевных сил.

Дело в том, что злобная и злая реакция на окружающее, грубость и непонимание других – это признак душевной и духовной слабости, человеческой неспособности жить... Толкается в переполненном автобусе – слабый и нервный человек, измотанный, неправильно на все реагирующий. Ссо-

рится с соседями – тоже человек, не умеющий жить, глухой душевно. Эстетически невосприимчивый – тоже человек несчастный. Не умеющий понять другого человека, приписывающий ему только злые намерения, вечно обижающийся на других – это тоже человек, обедняющий свою жизнь и мешающий жить другим. Душевная слабость ведет к физической слабости. Я не врач, но я в этом убежден. Долголетний опыт меня в этом убедил.

Приветливость и доброта делают человека не только физически здоровым, но и красивым. Да, именно красивым.

Лицо человека, искажающееся злобой, становится безобразным, а движения злого человека лишены изящества – не нарочитого изящества, а природного, которое гораздо дороже.

Социальный долг человека – быть интеллигентным. Это долг и перед самим собой. Это залог его личного счастья и «ауры доброжелательности» вокруг него и к нему (то есть обращенной к нему).

Все, о чем я разговариваю с молодыми читателями в этой книге, – призыв к интеллигентности, к физическому и нравственному здоровью, к красоте здоровья. Будем долголетни, как люди и как народ! А почитание отца и матери следует понимать широко – как почитание всего нашего лучшего в прошлом, в прошлом, которое является отцом и матерью нашей современности, великой современности, принадлежать к которой – великое счастье.

Письмо тринадцатое.

О воспитанности

Получить хорошее воспитание можно не только в своей семье или в школе, но и... у самого себя.

Надо только знать, что такое настоящая воспитанность.

Я не берусь давать «рецепты» воспитанности, так как сам себя вовсе не считаю образцово воспитанным. Но кое-какими мыслями я хотел бы поделиться с читателями.

Я убежден, например, что настоящая воспитанность проявляется прежде всего у себя дома, в своей семье, в отношениях со своими родными.

Если мужчина пропускает вперед себя незнакомую женщину (даже в автобусе!) и даже открывает ей дверь, а дома не поможет усталой жене вымыть посуду, – он невоспитанный человек.

Если со знакомыми он вежлив, а с домашними раздражается по каждому поводу, – он невоспитанный человек.

Если он не считается с характером, психологией, привычками и желаниями своих близких, – он невоспитанный человек.

Если уже во взрослом состоянии он как должное принимает помощь родителей и не замечает, что они сами уже нуждаются в помощи, – он невоспитанный человек.

Если он громко заводит радио и телевизор или просто

громко разговаривает, когда кто-то дома готовит уроки или читает (пусть это будут даже его маленькие дети), – он невоспитанный человек и никогда не сделает воспитанными своих детей.

Если он любит трунить (шутить) над женой или детьми, не щадя их самолюбия, особенно при посторонних, то тут он уже (извините меня!) просто глуп.

Воспитанный человек – это тот, кто хочет и умеет считаться с другими, это тот, кому собственная вежливость не только привычна и легка, но и приятна. Это тот, кто в равной степени вежлив и со старшим и с младшим голами и по положению.

Воспитанный человек во всех отношениях не ведет себя «громко», экономит время других («точность – вежливость королей», – говорит поговорка), строго выполняет данные другим обещания, не важничает, не «задирает нос» и всегда один и тот же – дома, в школе, в институте, на работе, в магазине и в автобусе.

Читатель заметил, вероятно, что я обращаюсь главным образом к мужчине, главе семьи. Это потому, что женщине действительно нужно уступать дорогу... не только в дверях.

Но умная женщина легко поймет, что именно надо делать, чтобы, всегда и с признательностью принимая от мужчины данное ей природой право, как можно меньше заставлять мужчину уступать ей первенство. А это гораздо труднее! Поэтому-то природа позаботилась, чтобы женщины в

массе своей (я не говорю об исключениях) были наделены большим чувством такта и большей природной вежливостью, чем мужчины...

Есть много книг о «хороших манерах». Эти книги объясняют, как держать себя в обществе, в гостях и дома, на работе, со старшими и младшими, как говорить, не оскорбляя слуха, и одеваться, не оскорбляя зрения окружающих. Но люди, к сожалению, мало черпают из этих книг. Происходит это, я думаю, потому, что в книгах о хороших манерах редко объясняется, зачем нужны хорошие манеры. Кажется: иметь хорошие манеры фальшиво, скучно, не нужно. Человек хорошими манерами и в самом деле может прикрыть дурные поступки.

Да, хорошие манеры могут быть очень внешними, но в целом хорошие манеры созданы опытом множества поколений и знаменуют многовековое стремление людей быть лучше, жить удобнее и красивее.

В чем же дело? Что лежит в основе руководства для приобретения хороших манер? Простое ли это собрание правил, «рецептов» поведения, наставлений, которые трудно запомнить все?

В основе всех хороших манер лежит забота – забота о том, чтобы человек не мешал человеку, чтобы все вместе чувствовали бы себя хорошо.

Надо уметь не мешать друг другу. Поэтому не надо шуметь. От шума не заткнешь уши – вряд ли это во всех случа-

ях и возможно. Например, за столом во время еды. Поэтому не надо чавкать, не надо звонко класть вилку на тарелку, с шумом втягивать в себя суп, громко говорить за обедом или говорить с набитым ртом, чтобы у соседей не было опасений. И не надо класть локти на стол – опять-таки чтобы не мешать соседу. Быть опрятно одетым надо потому, что в этом скрывается уважение к другим – к гостям, к хозяевам или просто к прохожим: на вас не должно быть противно смотреть. Не надо утомлять соседей непрерывными шутками, остротами и анекдотами, особенно такими, которые уже были кем-то рассказаны вашим слушателям. Этим вы ставите слушателей в неловкое положение. Старайтесь не только сами развлекать других, но и позволяйте другим что-то рассказывать. Манеры, одежда, походка, все поведение должно быть сдержанным и... красивым. Ибо любая красота не утомляет. Она «социальна». И в так называемых хороших манерах всегда есть глубокий смысл. Не думайте, что хорошие манеры – это только манеры, то есть нечто поверхностное. Своим поведением вы выявляете свою суть. Воспитывать в себе нужно не столько манеры, сколько то, что выражается в манерах, бережное отношение к миру: к обществу, к природе, к животным и птицам, к растениям, к красоте местности, к прошлому тех мест, где живешь, и т. д.

Надо не запоминать сотни правил, а запомнить одно – необходимость уважительного отношения к другим. А если у вас будет это и еще немного находчивости, то манеры сами

придут к вам или, лучше сказать, придет память на правила хорошего поведения, желание и умение их применить.

Письмо четырнадцатое. О дурных и хороших влияниях

В жизни каждого человека есть любопытное возрастное явление: сторонние влияния. Эти сторонние влияния обычно бывают чрезвычайно сильными, когда юноша или девушка начинают становиться взрослыми, – на переломе. Потом сила этих влияний проходит. Но о влияниях, их «патологии», а иногда и нормальности надо помнить юношам и девушкам.

Может быть, тут и нет особой патологии: просто подрастающему человеку, мальчику или девочке, хочется поскорее стать взрослым, самостоятельным. Но, становясь самостоятельными, они стремятся освободиться прежде всего от влияния своей семьи. Со своей семьей связаны представления об их «детскости». Отчасти в этом бывает виновата и сама семья, которая не замечает, что их «ребенок» если не стал, то хочет быть взрослым. Но привычка слушаться еще не прошла, и вот он «слушается» того, кто признал его взрослым, – иногда человека, самого еще не ставшего взрослым и по-настоящему самостоятельным.

Влияния бывают и хорошие, и плохие. Помните об этом. Но плохих влияний следует опасаться. Потому что человек с волей не поддается дурному влиянию, он сам выбирает себе путь. Человек же безвольный поддается дурным влияни-

ям. Бойтесь безотчетных влияний: особенно если вы еще не умеете точно, четко отличить хорошее от плохого, если вам нравятся похвалы и одобрения своих товарищей, какими бы эти похвалы и одобрения ни были: лишь бы хвалили.

Письмо пятнадцатое. Про зависть

Если тяжеловес ставит новый мировой рекорд в поднятии тяжестей, вы ему завидуете? А если гимнастка? А если рекордсмен по прыжкам с вышки в воду?

Начните перечислять все, что вы знаете и чему можно позавидовать: вы заметите, что чем ближе к вашей работе, специальности, жизни, тем сильнее близость зависти. Это как в игре – холодно, тепло, еще теплее, горячо, обжегся!

На последнем вы нашли с завязанными глазами запрятанную другими игроками вещь. Вот то же и с завистью. Чем ближе достижение другого к вашей специальности, к вашим интересам, тем больше возрастает обжигающая опасность зависти.

Ужасное чувство, от которого страдает прежде всего тот, кто завидует.

Теперь вы поймете, как избавиться от крайне болезненного чувства зависти: развивайте в себе свои собственные индивидуальные склонности, свою собственную неповторимость в окружающем вас мире, будьте самим собой, и вы никогда не будете завидовать.

Зависть развивается прежде всего там, где вы сам себе чужой.

Зависть развивается прежде всего там, где вы не отличаете себя от других.

Завидуете – значит, не нашли себя.

Письмо шестнадцатое. О жадности

Меня не удовлетворяют словарные определения слова «жадность». «Стремление удовлетворить чрезмерное, ненасытное желание чего-либо» или «скудость, корыстолюбие» (это из одного из лучших словарей русского языка – четырехтомного, первый том вышел в 1957 году). В принципе это определение четырехтомного «Словаря» верно, но оно не передает того чувства отвращения, которое меня охватывает, когда я наблюдаю проявления жадности в человеке. Жадность – это забвение собственного достоинства, это попытка поставить свои материальные интересы выше себя, это душевная кособокость, жуткая направленность ума, крайне его ограничивающая, жухлость умственная, жалкость, желтушный взгляд на мир, желчность к себе и другим, забвение товарищества. Жадность в человеке даже не смешна, она унижительна. Она враждебна себе и окружающим.

Иное дело – разумная бережливость; жадность – ее искажение, ее болезнь. Бережливостью владеет ум, жадность овладевает умом.

Письмо семнадцатое. Уметь спорить с достоинством

В жизни приходится очень много спорить, возражать, опровергать мнение других, не соглашаться.

Лучше всего проявляет свою воспитанность человек, когда он ведет дискуссию, спорит, отстаивая свои убеждения.

В споре сразу же обнаруживается интеллигентность, логичность мышления, вежливость, умение уважать людей и... самоуважение.

Если в споре человек заботится не столько об истине, сколько о победе над своим противником, не умеет выслушать своего противника, стремится противника «перекричать», испугать обвинениями, – это пустой человек, и спор его пустой.

Как же ведет спор умный и вежливый спорщик?

Прежде всего он внимательно выслушивает своего противника – человека, который не согласен с его мнением. Больше того, если ему что-либо не ясно в позициях его противника, он задает ему дополнительные вопросы. И еще: даже если все позиции противника ясны, он выберет самые слабые пункты в утверждениях противника и переспросит, это ли утверждает его противник.

Внимательно выслушивая своего противника и переспрашивая, спорящий достигает трех целей: 1) противник не

сможет возразить тем, что его «неправильно поняли», что он «этого не утверждал»; 2) спорящий своим внимательным отношением к мнению противника завоевывает себе симпатии тех, кто наблюдает за спором; 3) спорящий, слушая и переспрашивая, выигрывает время для того, чтобы обдумать свои собственные возражения (а это тоже немаловажно), уточнить свои позиции в споре.

В дальнейшем, возражая, никогда не следует прибегать к недозволенным приемам спора и нужно придерживаться следующих правил: 1) возражать, но не обвинять; 2) не «читать в сердце», не пытаться проникнуть в мотивы убеждений противника («вы стоите на этой точке зрения, потому что она вам выгодна», «вы так говорите, потому что вы сами такой» и т. п.); 3) не отклоняться в сторону от темы спора; спор нужно уметь доводить до конца, то есть либо до опровержения тезиса противника, либо до признания правоты противника.

На последнем своем утверждении я хочу остановиться особо.

Если вы с самого начала ведете спор вежливо и спокойно, без заносчивости, то тем самым вы обеспечиваете себе спокойное отступление с достоинством.

Помните: нет ничего красивее в споре, как спокойно, в случае необходимости, признать полную или частичную правоту противника. Этим вы завоевываете уважение окружающих. Этим вы как бы призываете к уступчивости и сво-

его противника, заставляете его смягчить крайности своей позиции.

Конечно, признавать правоту противника можно только тогда, когда дело касается не ваших общих убеждений, не ваших нравственных принципов (они всегда должны быть самыми высокими).

Человек не должен быть флюгером, не должен уступать оппоненту только для того, чтобы ему понравиться, или, боже сохрани, из трусости, из карьерных соображений и т. д.

Но уступать с достоинством в вопросе, который не заставляет вас отказаться от своих общих убеждений (надеюсь, высоких), или с достоинством принять свою победу, не злорадствуя над побежденным в споре, не торжествуя, не оскорбляя самолюбия оппонента, – как это красиво!

Одно из самых больших интеллектуальных удовольствий – следить за спором, который ведется умелыми и умными спорщиками.

Нет ничего более глупого в споре, чем спорить без аргументации. Помните, у Гоголя разговор двух дам в «Мертвых душах»:

«– Милая, это пестро!

– Ах нет, не пестро!

– Ах, пестро!»

Когда у спорящего нет аргументов, появляются просто «мнения».

Письмо восемнадцатое.

Искусство ошибаться

Я не люблю смотреть телевизионные передачи. Но были программы, которые я смотрел всегда: танцы на льду. Потом я устал от них и смотреть перестал – перестал систематически, смотрю только эпизодически. Больше всего мне нравится, когда те, кого считают слабыми или кто еще не вошел в обоймы «признанных», выступают удачно. Удача начинающих или удача неудачливых приносит гораздо больше удовлетворения, чем удача удачников.

Но дело не в этом. Больше всего меня восхищает, как «конькобежец» (так в старину называли спортсменов на льду) выправляет свои ошибки во время танца. Упал и встанет, быстро вступая снова в танец, и ведет этот танец так, точно падения и не было. Это искусство, огромное искусство.

Но ведь в жизни ошибок бывает гораздо больше, чем на ледяном поле. И надо уметь выходить из ошибок: исправлять их немедленно и... красиво. Да, именно красиво.

Когда человек упорствует в своей ошибке или чересчур переживает, думает, что жизнь кончилась, «все погребло», – это досадно и для него, и для окружающих. Окружающие испытывают неловкость не от самой ошибки, а от того, какое неумение проявляет ошибшийся в ее исправлении.

Признаться в своей ошибке перед самим собой (не обя-

зательно делать это публично: тогда это либо стыдно, либо
рисовка) не всегда легко, нужен опыт. Нужен опыт, чтобы
после совершенной ошибки как можно скорее и как можно
легче включиться в работу, продолжить ее. И окружающим
не надо понуждать человека к признанию ошибки, надо по-
буждать к ее исправлению; реагируя так, как реагируют зри-
тели на соревнованиях, иногда даже награждая упавшего и
легко исправившего свою ошибку радостными аплодисмен-
тами при первом же удобном случае.

Письмо девятнадцатое.

Как говорить?

Неряшливость в одежде – это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде есть, может быть, преувеличенное представление о собственной элегантности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет, и в зависимости от возраста. Спортивная одежда не сделает старика спортсменом, если он не занимается спортом. «Профессорская» шляпа и строгий черный костюм невозможны на пляже или в лесу за сбором грибов.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык в еще больше мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека.

Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Не знаю, как другим, но мне эти местные диалекты, если они строго выдержаны, нравятся. Нравится их напевность, нравятся местные слова, местные выражения. Диалекты часто бывают неиссякаемым источником обогащения русского ли-

тературного языка. Как-то в беседе со мной писатель Федор Александрович Абрамов сказал: «С Русского Севера вывозили гранит для строительства Петербурга и вывозили слово – слово в каменных блоках былин, причитаний, лирических песен...» «Исправить» язык былин – перевести его на нормы русского литературного языка – это попросту испортить былины.

Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Это меня не коробит. Пусть он окает и сохраняет свою привычную напевность. В этом я вижу гордость своей родиной – своим селом. Это неплохо, и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он «истинно деревенский», то это и смешно, и цинично: «Глядите, каков я: плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочу быть не похожим на всех вас!»

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, – распространеннейшее явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Грубыми прозвища-

ми учителей именно слабые волей ученики хотят показать, что они их не боятся. Это происходит полусознательно. Я уж не говорю о том, что это признак невоспитанности, неинтеллигентности, а иногда и жестокости. Но та же самая подоплека лежит в основе любых грубых, циничных, бесшабашно иронических выражений по отношению к тем явлениям повседневной жизни, которые чем-либо травмируют говорящего. Этим грубо говорящие люди как бы хотят показать, что они выше тех явлений, которых на самом деле они боятся. В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к травмирующим их явлениям в жизни, что они их беспокоят, мучат, волнуют, что они чувствуют себя слабыми, не защищенными против них. По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо².

Наш язык – это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его

² С вопросом о психологии языковой грубости вы можете ознакомиться в моей работе: Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311–359.

возможной «закомплексованности» (есть такое печальное явление в психологии некоторых слабых людей, но объяснить его сейчас я не имею возможности – это большой и особый вопрос).

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно – это надо, надо. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения (как я уже сказал), но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она «затягивает».

Письмо двадцатое. Как выступать?

Общественные устные выступления обычны теперь в нашей жизни. Каждому надо уметь выступать на собраниях, а может быть, с лекциями и докладами.

Тысячи книг написаны во все века об искусстве ораторов и лекторов. Не стоит здесь повторять все, что известно об ораторском искусстве. Скажу лишь одно, самое простое: чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать. Ему должно быть интересно изложить свою точку зрения, убедить в ней, материал лекции должен быть для него самого привлекательным, в какой-то мере удивительным. Выступающий сам должен быть заинтересован в предмете своего выступления и суметь передать этот интерес слушателям – заставить их почувствовать заинтересованность выступающего. Только тогда будет его интересно слушать.

И еще: в выступлении не должно быть несколько равноправных мыслей, идей. Во всяком выступлении должна быть одна доминирующая идея, одна мысль, которой подчиняются другие. Тогда выступление не только заинтересует, но и запомнится.

А по существу, всегда выступайте с добрых позиций. Даже выступление против какой-то идеи, мысли стремитесь построить как поддержку того положительного, что есть в

возражениях спорящего с вами. Общественное выступление всегда должно быть с общественных позиций. Тогда оно встретит сочувствие.

Письмо двадцать первое. Как писать?

Каждый человек должен так же писать хорошо, как и говорить хорошо. Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение себя держать. В языке сказывается интеллигентность человека, его умение точно и правильно мыслить, его уважение к другим, его «опрятность» в широком смысле этого слова.

Сейчас речь у меня пойдет только о письменном языке, и по преимуществу о том виде письменного языка, к которому я сам больше привык, то есть о языке научной работы (литературоведческой в основном) и о языке журнальных статей для широкого читателя.

Прежде всего одно общее замечание. Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо *ездить* на велосипеде. Чтобы научиться писать, надо *писать*! Нельзя обставить себя хорошими рекомендациями, как писать, и сразу начать писать правильно и хорошо: ничего не выйдет. Поэтому пишите письма друзьям, ведите дневник, пишите воспоминания (их можно и нужно писать как можно раньше – не худо еще в юные годы – о своем детстве, например).

У нас часто говорят о том, что научные работы и учебники пишутся сухим языком, изобилуют канцелярскими оборотами. Особенно в этом отношении «достается» работам

по литературоведению и истории. И по большей части эти упреки справедливы. Надо писать хорошо и не надо плохо! Этого никто не отрицает, и вряд ли найдутся люди, которые бы выступили с противоположной точкой зрения. Но вот что такое «хороший язык» и как приобрести навыки писать хорошо – об этом у нас пишут редко.

В самом деле, «хорошего языка» как такового не существует. Хороший язык – это не каллиграфия, которую можно применить по любому поводу. Хороший язык математической работы, хороший язык литературоведческой статьи или хороший язык повести – это различные хорошие языки.

Часто говорят: «Язык его статьи хороший, образный», и даже от классных работ в школе требуют образности языка. Между тем образность языка не всегда достоинство научного языка.

Язык художественной литературы образен, но с точки зрения ученого неточен. Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное – многозначность. Возьмем строки Есенина: «В захватском степном разгоне колокольчик хохочет до слез». Перед нами образ, очень богатый содержанием, но неоднозначный. Что это – веселый звон колокольчика? Конечно, не только это. Крайне важно, что в строках этих упоминаются и слезы, хотя при поверхностном чтении можно и не придать им особого значения, приняв в целом все выражение за обычный фразеологизм: хохотать очень сильно. Образ уточ-

няет свое значение благодаря контексту и становится полностью понятным только в конце стихотворения: «Потому что над всем, что было, колокольчик хохочет до слез». Здесь вступает в силу тема иронии судьбы – судьбы, смеющейся над преходящими явлениями человеческой жизни.

Художественный образ как бы постепенно «разгадывается» читателем. Писатель делает читателя соучастником своего творчества. Эта постепенность самораскрытия художественного образа и соучастие читателя в творческом процессе – очень существенная сторона художественного произведения. От этого зависит не только то эстетическое наслаждение, которое мы получаем при чтении художественного произведения, но и его убедительность. Автор как бы заставляет читателя самого приходить к нужному выводу. Он делает читателя, повторяю, своим соучастником в творчестве.

То же можно сказать и о такой разновидности художественного творчества как шутка. Шутка незаменима, например, в споре. Заставить рассмеяться аудиторию – это значит наполовину ее убедить в своей правоте. Художественный образ и шутка заставляют читателя или слушателя разделить с их автором ход его мыслей.

Французская поговорка гласит: «Важно иметь смеющихся на своей стороне». Тот, с кем смеются, – победитель в споре.

Шутка важна в трудных положениях: ею восстанавливается душевное равновесие. Суворов шуткой подбадривал своих солдат.

Поэтому там, где необходимо не только логическое убеждение, но и эмоциональное, – художественный образ и шутка очень важны. Они важны в научно-популярной работе и в ораторских выступлениях. Всякий лектор знает, как важно восстановить ослабевшее внимание аудитории шуткой. Шутка даже в большей степени, чем художественный образ, требует активного соучастия, она заставляет слушателей не только активно слушать, но и активно «домысливать» остро-ту.

Но в научной работе образность и остроты допустимы только в качестве некоторого дивертисмента. По природе своей научный язык резко отличен от языка художественной литературы. Он требует точности выражения, максимальной краткости, строгой логичности, отрицает всякие «домысливания».

В научном языке не должны «чувствоваться чернила»: он должен быть легким. Язык научной работы должен быть «незаметен». Если читатель прочтет научную работу и не обратит внимания на то, хорошо или плохо она написана, – значит, она написана хорошо. Хороший портной шьет костюм так, что мы его носим «не замечая». Самое большое достижение научного изложения (тут уж я говорю вообще об изложении, а не только о языке) – логичность и последовательность переходов от мысли к мысли. Умение развивать мысль – это не только логичность, но и ясность изложения.

Очень важно, чтобы ученый «чувствовал» своего читате-

ля, точно знал, к кому он обращается.

Надо всегда конкретно представлять себе или воображать читателя будущей работы и как бы записывать свою беседу с ним. Пусть этот воображаемый читатель будет скептик, заядлый спорщик, человек, не склонный принимать на веру что бы то ни было. В строго научной работе этот мысленный образ читателя должен быть высок – воображаемый читатель должен быть специалистом в излагаемой области. В научно-популярных работах этот воображаемый читатель должен быть немного непонятлив (но в меру: своего читателя не следует «обижать»). Беседуя с таким воображаемым читателем, записывайте все, что вы ему говорите. Чем ближе ваш письменный язык к языку устному, тем лучше, тем он свободнее, разнообразнее, естественнее по интонации. Специфические для письменной речи обороты утяжеляют язык. Они не нужны. Однако устный язык имеет и большие недостатки: он не всегда точен, он неэкономичен, в нем часты повторения. Значит, записав свою речь к воображаемому читателю, надо затем ее максимально сократить, исправить, освободить от неточностей, от чрезмерно вольных, «разговорных» выражений. Научная работа «подожмет», станет компактной, точной, но сохранит интонации живой речи, а главное – в ней будет чувствоваться адресат, воображаемый собеседник автора.

Обогащение и легкость письменного языка часто идут от разговорного языка. Из разговорного языка можно заим-

ствовать отдельные слова и целые выражения. Но надо помнить, что разговорные выражения настолько стилистически сильны и заметны в письменном языке, что в точном научном языке их нельзя повторять в близком расстоянии друг от друга.

* * *

В науке очень важно найти нужное обозначение для обнаруженного явления – термин. Очень часто это значит закрепить сделанное наблюдение или обобщение, сделать его заметным в науке, ввести его в науку, привлечь к нему внимание.

Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку, – окрестите его, дайте ему имя, название. Вводите в науку свое детище, предоставьте его обществу ученых, а для этого назовите его и ничто не оставляйте безымянным. Но не делайте это слишком часто. Некоторые новые работы по лингвистике или литературоведению перенасыщены новой терминологией. В деле своей жизни ученому достаточно создать всего два-три новых термина для значительных явлений, им открытых.

Егьютон не столько открыл закон всемирного тяготения (все и до него знали, что вещи падают на землю, а чтобы оторвать их от земли, необходимо некоторое усилие), сколько создал термин, обозначение всем известного явления, и

именно этим заставил «заметить» его в науке.

Обычный путь создания нового обозначения, нового термина – привлечение метафоры. Метафорой будет и заимствование слова из какой-то соседней области, из науки другого характера.

Разумеется, ни одна метафора и ни один образ в силу своей первоначальной многозначности не могут быть совершенно точными, не могут полностью выражать явление. Поэтому в первый момент новый термин всегда кажется немного неудачным. Лишь тогда, когда за метафорой, образом закрепится одно точное значение, – исследователи к нему «привыкнут», образ, лежащий в основе нового термина, потеряет свою остроту, – термин войдет в употребление и даже, может статься, будет казаться удачным.

Точное научное значение «прорастет» сквозь образ. Сперва в новом научном термине образ как бы заслоняет собой точное значение, затем точное значение начинает заслонять образ.

Точным должно быть само наблюдение ученого, ярко отграниченным и специфическим само явление, которое обозначается новым термином, – тогда точным станет и термин.

В тех редких случаях, когда ученый может или даже должен прибегнуть к метафоре, к образу, необходимо следить за их «материальным» значением. У одного высокообразованного литературоведа XIX века мы читаем такую фразу: «Данте одной ногой прочно стоял в Средневековье, а другой

приветствовал зарю Возрождения...» Остроумнейший и наблюдательнейший историк В.О. Ключевский так пародировал эту фразу в своем «Курсе лекций по русской истории»: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу... одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении»³.

Здесь образ пародирован. Пародия оправдана тем, что в обоих случаях речь идет о величайших переходных этапах: один – в истории Западной Европы, другой – в истории России. Но царь Алексей Михайлович не Данте, и над ним стоило посмеяться.

Однако у того же В.О. Ключевского мы можем встретить и неудачные выражения, неудачные образы: «Этому взгляду... критик не мог придать цельного выражения, высказывая его по частям, осколками». «Осколками» нельзя высказывать что-либо. Но если стремиться сохранить образ «осколков», то фразу легко было бы исправить так: «Его мысли были чисты и ясны как стекло, но высказывал он их неполно – как бы осколками». Надо всегда следить за уместностью и осмысленностью образа. Советский историк Б.Д. Греков писал в своей работе о Новгороде: «В воскресный день на Волхове больше парусов, чем телег на базаре...» И это осмыслено

³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. III: Курс русской истории. Ч. 3. М., 1957. С. 320.

тем, что речь в контексте идет именно о торговле.

Нельзя писать просто «красиво». Надо писать точно и осмысленно, оправданно прибегая к образам. Великий мастер русского языка историк В.О. Ключевский умел не размазывать свою мысль, давая ее иногда лишь намеком, прибегая к своего рода стилистическому лукавству, которое действовало иногда сильнее, чем самый яркий образ. Сравните его такие фразы: «В университете при Академии наук (речь идет о XVIII веке. – *Д. Л.*) лекций не читали, но студентов секли» или о времени Петра: «Казнокрадство и взяточничество достигли размеров небывалых прежде, разве только после...» О стихотворстве царя Алексея Михайловича он же пишет: «Сохранилось несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами».

Ключевский был и мастером антитез. Вот некоторые примеры: «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом» – это об эпохе Петра I. Или о воображаемом предке Евгения Онегина: «Он (этот «предок». – *Д. Л.*) старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими». В последнем случае перед нами крестообразная антитеза, которой Ключевский также владел превосходно. Вот пример одной его такой крестообразной антитезы, имеющей непосредственное отношение к нашей теме: «Легкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело».

Говоря о научных терминах, мы должны вспомнить и об

особой роли терминов в исторической науке, когда для научного понятия берется старое слово или целое выражение. Архаизмы, инкрустации в свои работы целых выражений, цитат вполне законны у историков, так как старые явления жизни лучше всего выражаются в старом же языке. Но опять-таки – не следует этим злоупотреблять.

Хорошо, когда образ постепенно развертывается и имеет многие отражения в описываемом явлении, то есть когда образ соприкасается с описываемым явлением многими сторонами. Но когда он просто повторяется (даже не всегда прямо) – это плохо. У Ключевского в одном тексте говорится о том, что кривая половецкая сабля была занесена над Русью, а немного дальше о том, что кривой ятаган был занесен над Европой. Не совсем точный и удачный образ становится совершенно невозможным от его повторения, хотя бы и варьированного.

Цветистые выражения имеют склонность вновь и вновь всплывать в разных статьях и работах отдельных авторов. Так, у искусствоведов часто повторяются такие выражения как «звонкий цвет», «приглушенный колорит» и прочая «музыкальность». В последнее время в искусствоведческой критике в моду вошло прилагательное «упругий»: «упругая форма», «упругая линия», «упругая композиция» и даже «упругий цвет». Все это, конечно, от бедности языка, а не от того, что слово «упругий» чем-то замечательно.

Главное – нужно стремиться к тому, чтобы фраза была

сразу понята правильно. Для этого большое значение имеет расстановка слов и краткость самой фразы. Например, на с. 79 моей работы «Человек в литературе Древней Руси (2-е изд., 1970) напечатано: «Вот почему Стефан Пермский называется Епифанием Премудрым “мужественным храбром”...» Фраза двусмысленная. Иная расстановка слов сразу бы ее исправила: «Вот почему Стефан Пермский называется “мужественным храбром” Епифанием Премудрым...» Или еще лучше так: «Вот почему Епифаний Премудрый называет Стефана Пермского “мужественным храбром”».

Внимание читающего должно быть сосредоточено на мысли автора, а не на разгадке того, что автор хотел сказать. Поэтому чем проще, тем лучше. Не следует бояться повторений одного и того же слова, одного и того же оборота. Стилистическое требование не повторять рядом одного и того же слова часто неверно. Это требование не может быть правильным для всех случаев. Язык должен быть, разумеется, богат, и поэтому для разных явлений и понятий нужно употреблять разные слова. Употребление одного и того же слова в разном значении может создать путаницу. Этого делать не следует. Однако если говорится об одном и том же явлении, слово употребляется в одном и том же значении, вовсе не надо его менять. Конечно, бывают сложные случаи, которые нельзя предусмотреть каким-либо советом. Бывает, что одно и то же понятие (а следовательно, и одно и то же слово) употребляется от бедности самой мысли. Тогда, разумеет-

ся, если нельзя усложнить мысль, то надо прийти на помощь мысли стилистически, разнообразя словами тупо вертящуюся мысль. Лучше всего помогать мысли самой мыслью, а не вуалировать словом скудоумие.

Ритмичность и удобочитаемость фразы! Люди, читая, мысленно произносят текст. Надо, чтобы он произносился легко. И в этом случае основное – в расстановке слов, в построении фразы. Не следует злоупотреблять придаточными предложениями. Стремитесь писать короткими фразами, заботясь о том, чтобы переходы от фразы к фразе были легкими. Имя существительное (пусть и повторенное) лучше, чем местоимение. Избегайте выражений «в последнем случае», «как выше сказано» и прочее.

Бойтесь пустого красноречия! Язык научной работы должен быть легким, незаметным, красоты в нем недопустимы, а красота его – в чувстве меры.

А в целом следует помнить: нет мысли вне ее выражения в языке и поиски слова – это, в сущности, поиски мысли. Неточности языка происходят прежде всего от неточности мысли. Поэтому ученому, инженеру, экономисту – человеку любой профессии следует заботиться, когда пишешь, прежде всего о точности мысли. Строгое соответствие мысли языку и дает легкость стиля. Язык должен быть прост (я говорю сейчас об обычном и научном языке – не о языке художественной литературы).

Легкость языка бывает ложная: например, «бойкость пе-

ра». «Бойкое перо» – не обязательно хороший язык. Надо воспитывать в себе вкус к языку. Дурной вкус губит даже талантливых авторов.

Письмо двадцать второе. Любите читать!

Каждый человек обязан (я подчеркиваю – обязан) заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Основной (но, разумеется, не единственный) способ своего интеллектуального развития – чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время – величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Читать следует по программе, разумеется, не следуя ей жестко, отходя от нее там, где появляются дополнительные для читателя интересы. Однако при всех отступлениях от первоначальной программы необходимо составить для себя новую, учитывающую появившиеся новые интересы.

Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом самовоспитания.

Составлять для себя программы чтения не так уж просто, и это нужно делать, советуясь со знающими людьми, с существующими справочными пособиями разного типа.

Опасность чтения – это развитие (сознательное или бессознательное) в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов или к различного вида скоростным методам чтения.

«Скоростное чтение» создает видимость знаний. Его можно допускать лишь в некоторых видах профессий, остерегаясь создания в себе привычки к скоростному чтению, – оно ведет к заболеванию внимания.

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке, например на отдыхе или при какой-нибудь не очень сложной и не отвлекающей внимания болезни?

Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это делается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное иногда кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится – вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с ва-

ми поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно – читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмешить, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-то другим. «Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках – то рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-то фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы уже знали, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», несколько рассказов Мопассана, былинку о Соловье Будимировиче, другую былинку о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злосчастии, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили чи-

тать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы – все, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.